

цл Парижа объединились в одно заведете, признанное королем Филиппом Августом и папой Иннокентием III; его устав утвердил в 1215 г. папский легат Робер де Курсон. Так был создан Парижский университет (*Universitas magistrorum et scholarium parisiis studentium**) — самый старый и самый знаменитый из больших средневековых университетов. Там в первые же годы его деятельности появились переводы Аристотеля и его арабских комментаторов. Вскоре в Париже прочитали и откомментировали перевод «Метафизики», выполненный непосредственно с греческого языка и поступивший из Константинополя. Знаменитые учителя, преподававшие тогда в Париже, такие, как Гильом Оксеррский (ум. ок. 1237) и Филипп Гревский (ум. в 1236)**, отнюдь не пребывали в неведении относительно накатывавшей волны новых идей. Гильом Оверньский (ум. в 1249)*** признавал достоинства физики Аристотеля для объяснения подлунного мира, знал Ибн Гебиरोля и восхищался им, но критиковал многие пункты учения Авиценны. В последующие годы до Парижа во все большем количестве доходили произведения Аверроэса. Роджер Бэкон и Альберт Великий стали цитировать его в 1240—1250-е гг., еще не осознавая истинного смысла его учения и вследствие этого не понимая новой опасности, которая в нем таилась. Но Альберт вскоре заметил ее, и почти в то же самое время (ок. 1250) св. Бонавентура сумел ей противостоять. Тогда начиналась великая эпоха схоластической теологии и философии. Она совпала с усилиями христианских мыслителей направить поток греческой и арабской философии в правильное русло или поставить перед ним заслон.

Прежде всего следует отдельно рассмотреть и разъяснить позицию церковных властей. Хотя ее историческое значение велико, а в ту эпоху она в весьма большой степени определяла состояние умов в Парижском университете, ее влияние со всей очевидностью было значительно меньшим в плане чисто философского умозрения, нежели в

плане вероучительной осмотрительности и церковной дисциплины. С целью выиграть время для оценки массы новых концепций церковные власти начали с запретов. В 1210 г. Парижский провинциальный собор, проходивший под председательством архиепископа Санса Петра из Корбейля, запретил под страхом отлучения от Церкви распространять в общественном и частном порядке естественную философию Аристотеля и комментарии к ней. Устав Парижского университета, утвержденный Робером де Курсоном в 1215 г. по-прежнему разрешал изучение «Органона» Аристотеля, который преподавали издавна, но были запрещены «Метафизика», все книги по физике и естественным наукам (в том числе сокращенные версии), а также учения Давида Динанского, Амальрика Венского и некоего Мауриция (Маврикия) Испанского, личность которого не установлена: «*Non legantur libri Aristotelis de metaphysica et naturali historia, nee summa de iisdem, aut de doctrina Magistri David de Dinant aut Amaurici haeretici, aut Mauritiij Hispani*»****. Любопытно, что этот документ, равно как и многие другие, относящиеся к той эпохе, ставили творения Аристотеля рядом с сочинениями двух известных еретиков, как будто он разделял их пантеизм, похожий на тот, что приписывали арабам.

В то время как преподавание Аристотеля в Париже было запрещено, он оставался разрешенным в Тулузе, и учителя этого города не преминули не только воспользоваться этой свободой, но даже сделать себе из нее рекламу. Однако было невозможно избежать сопоставления уже известных доктрин Аристотеля с новыми учениями, которые приписывались ему же, а такое сопоставление не могло не вызвать подозрений. Как разрешить теорию абстрагирования, так ясно изложенную каким-то Абеяром и каким-то Иоанном Солсберийским, которых подозревали в пантеизме?***** Добавим к этому, что физика Аристотеля, даже фальсифицированная с помощью неоплатонизма, давала для объяснения природы набор столь гибких и